

ЖИЗНЬ В ТРАДИЦИИ

РУССКИЕ САМОРОДКИ. МАРИНА АЛЕКСЕЕВНА БОЧАРОВА

Среди тех, кого мы встречаем в фольклорных экспедициях, есть мастера, наделенные силой огромного таланта, глубоко воспринявшие народную традицию, — воспоминания о них долгие годы дают жизненную и творческую энергию собирателям. Одна из них — Марина Алексеевна Бочарова, выдающаяся исполнительница на куклах из села Будище Большесолдатского района Курской области. Совсем недавно, 2 августа 2006 года, ей исполнился 91 год.

В этом номере альманаха о Марине Алексеевне рассказывают те, кому доводилось встречаться с нею, слушать и перенимать ее игру. Говорит с нами и она сама. Ее голос «звучит» в очерке М.М. Горшкова «Моречка: беседы с народным музыкантом», подготовленном на основе фильма «Недокучная басня или почему мы не играем в куклы, как Моречка».

Сергей Старостин (собиратель, инструменталист):

Летом 1984 года случилась моя первая встреча с Мариной Алексеевной Бочаровой в ее родной деревне Будище Большесолдатского района Курской области. Случилась как стихи, как откровение. Стоило лишь немного пообщаться с Мариной Алексеевной наедине, чтобы путешествие в красоту прошлого (каким бы трудным оно ни было у ее поколения) стало реальностью...

Необъяснимой магией завораживали ее рассказы о карагодах, тихие, словно про себя, напевы, виртуозная игра на дудочках-куклах, пластика рук и тела в танце. Из этого мира не хотелось возвращаться, а если и приходилось, то он звал к себе снова и снова.

С каждой новой встречей в ее рассказах о музыкальной жизни, причем не только своей, но и окрестных сел и деревень (Марина Алексеевна удивительным образом помнила события — в ролях, в мельчайших подробностях, словно прокручивая в сознании хорошо сохранившееся кино), появлялось что-то новое, важное, что дополняло картину наших (собирателей) представлений о музыкальной традиции региона.

Минуло двадцать лет с нашей первой встречи. В августе 2005 года на Ильин день мы небольшой компанией в той же деревне Будище отмечали девяностолетие Моречки, как ее кличут односельчане. Тот же живой блеск в глазах, тот же острый ум и столь же острый язык, та же взаимная радость от общения, которое дополнилось разве что философскими размышлениями о жизни. Чудо человеческой природы в лице простой деревенской женщины Марины Алексеевны Бочаровой, открывшей и подарившей нам чудо обаяния деревенской музыки, словно дано нам было за какие-то особые заслуги перед миром. За какие?

Александр Кошелев (исследователь инструментальной музыки):

Летом 1984 года мы впервые приехали в Будище вместе с Сергеем Старостиним. Наши две группы работали вместе. Мы ревниво относились друг к другу, так как надо было записывать и скрипку, и куклы, и балалайку. Придя к Марине Алексеевне, мы все, буквально толкаясь локтями, «набросились» на нее. Тем не менее, мы всё же друг другу помогли, сделали «многоканалку», а также киносъемку.

Марина Алексеевна была очень увлечена, отвечала на все наши просьбы. Она показала нам очень скромной, приветливой, обаятельной женщиной. То, что мы увидели, не было демонстрацией, — это была ее сущность, и в этом она была

рада проявить себя. Рассказывали, что когда в советские времена в колхозе проходили собрания, то ее приглашали после собрания поиграть на кукликах. Люди чувствовали, что это доставляет всем чисто человеческое удовольствие, поскольку связано с глубинными традициями музыки и ощущением их нашими современниками.

Моречка сама не понимает, откуда и как переняла всё это. Она самородок, которого нам Бог посылает. Каждому из нас неведомая сила дает такие таланты, и мы должны друг друга слышать...

Татьяна Старостина (музыковед):

Самое удивительное началось тогда, когда я сделала попытку обучиться на кукликах, используя впечатления от игры Марины Алексеевны. Она сама играет настолько легко, естественно и просто, что этой простотой обманываешься. Это просто для человека той традиции. А для нас, собирателей, одного впечатления было мало. Я многократно слушала записи, где она обучала игре на кукликах, и передо мной открывался мир неведомой исполнительской поэтики. Смысл этой игры был в едва уловимых трудновыполнимых правилах: не вполне симметричном ритме, свободном ощущении как бы регулируемого метра, в паузах, которые делались будто непреднамеренно, но на самом деле строго регламентированно. Позже, в поездках, мне довелось встретить еще одного-двух народных исполнителей, владевших реликтовой манерой игры на дудке, что вызывало не только восхищение: в этом искусстве до нас дошли отголоски целого пласта некогда профессиональной инструментальной культуры, — чудом сохранившаяся музыкальная стихия средневековья.

Марина Крюкова (преподаватель ДШИ им. М.А. Балакирева, участница ансамбля «Жар»):

Джазменов, услышавших Марину Алексеевну, потрясло, какое у нее чувство ритма, они не могли понять, как она достигает этого мастерства. Такие люди, как бабушка Марина, живут в другом пространстве, живут в других вибрациях. Для меня она является музыкантом, в котором всё органично. Она гениальна в

Марина Алексеевна Бочарова на крыльце своего дома в д. Будище, зима 1988 г. Фото М.М. Горикова.

кукликах. Она показывала, как играть «Тимоню» на двух дудочках, «раздробила» его, по сути дав систему обучения, и мы в этой системе так и занимаемся с детьми. Марина Алексеевна дарит высочайшее мастерство, и учиться у нее можно бесконечно.

Вера Медведева (музыковед):

С Мариной Алексеевной мы виделись только один раз, в Москве, в декабре 1979 года, когда этнографический коллектив из Будищ выступал на фестивале «Русская зима» в Концертном зале им. П.И. Чайковского. Куряне приехали в большом составе, было много инструменталистов. Марина Алексеевна играла на кукликах, и от нее шло какое-то магнитное излучение. За кулисами я сфотографировала ее на память, а когда выслала снимки, то получила ответ. Так завязалась переписка. Ее лейтмотивом стали любимые куклики, которых «так нигде и не слышно», и желание «оставить свой след», — замирающая сельская культура: «А всё же жаль старых друзей, это одно, а второе жаль этого «Тимони», некому его продолжать» (12.03.1985).

На просьбу сделать куклики, Марина Алексеевна откликнулась так: «И сколько просили эти куклики, я молчу. Вера, поверь, что всё наше без следа, и в этом тебе не верю, но наконец-то мне стало очень лично тебя жаль, и вот решила послать тебе эти куклики. Так их послать очень опасно, они очень нежные, так я решила маленькой посылкой с маленьким гостинцем. Кукл полный комплект и двое в запас, может какую загубите, а когда иг-

Моречка и Утик (Иван Стефанович Стоянов) — скрипач из соседнего с Будищами села Черный Олех, декабрь 1998 г. Фото М.М. Горшкова.

рать, то не забудь замочить доньшки. Верочка, играйте, желаю успехов и чтобы остался мой след» (28.11.1981).

«Недавно слушала по радио передачу, посвященную фестивалю, меня очень затревожило, хотя я и старая, что моих кугикл так нигде и не слышно. Что я так никого и не научила играть. Я хочу, чтоб вы приехали ко мне, записали бы последний раз мои кугиклы. Хоть какая-нибудь память останется. Я вас буду очень ждать» (16.07.1985).

«Тимоня» наш замирает. Все игроки старые стали, кто умер. Школьники, кто танцевал «Тимоню», развехались учиться. Танцевать и играть некому» (13.01.1986).

«Слабая я стала, болею часто. Всю зиму гриппом проболела. А ты бы приехала ко мне в гости, пока я жива. Так у меня новостей никаких нет. Живу потихонечку. Ты не забывай меня, пиши. Жду в гости ко мне» (31.03.1987).

«Ты меня зовешь в Москву, но я уже до Москвы не доеду. Годы не те, да и хозяйство разве я брошу. Приезжай сама» (09.08.1990).

Писал также и ее сын Ваня, который жил в Белгороде. Он сообщал обо всех поездках сельского этнографического коллектива. Вот строчки из его письма, присланного в июле 1980 года, когда в Курске встречали Олимпийский огонь: «Маме на старости лет придется повидать уникальное зрелище». А ей было тогда только 65 лет.

Чудесный фильм Сергея Старостина «Свидания с мастером» (телецикл «Ми-

ровая деревня») был снят к 80-летию Марины Алексеевны. Там она рассказывает о кугиклах и о себе: «Это гудень, подгудка, середняя, злесередняя, мизилютка. Сейчас тростника нема. Сижу, режу себе, может, мне было десять, девять лет, вот так. Никто не учил... Куда я ступаю (дую)? Я не понимаю... Я слышу, что мне надо делать, да... Вот что тут хитрого и страшного?.. А кто их выдумал? Как их придумали? Я никак не скажу... Кугикальница и всё. Испокон века, с самого начала».

Мы больше так и не увиделись, но ощущение, что она рядом, никогда не покидает. Однажды Таня Старостина, навещая меня в больнице, принесла ее фотографию, где она ослепительно улыбается, стоя на крыльце своего дома.

Нередко к одним и тем же исполнителям приезжают разные собиратели, но обычно это лишь разобщает их. Одна белгородская певица из села Большое написала по этому поводу: «Мы думали, что вы одно целое...». Мы «делим» пространство, людей, теряя ощущение неделимого и цельного образа мира и культуры. Моречка же нас объединяет. Встречаясь, мы неизменно говорим о ней и чувствуем себя маленькой «могучей кучкой». Марина Алексеевна усиливает каждого из нас. Ведь так и должно быть.

Она стала олицетворением курской традиции, подобно Е.Т. Сапелкину на Белгородской земле. Всякий раз, когда в Москву с концертами приезжает западно-африканская певица Цезария Эвора из деревеньки на Островах Зеленого Мыса, я мысленно представляю вместо негритянки сидящую на сцене Моречку, которая трепетно и живо говорит о своей деревне, о кугиклах и о «Тимоне»...

Играли, много раз играли мы на кугиклах Марины Алексеевны — и на концертах, и на лекциях, и просто дома. А всё же жаль, что не выпущены записи самой Моречки. Столько людей к ней приезжало!

Простите нас, Марина Алексеевна.

Материал подготовила
В.Н. НИКИТИНА
(Москва).